

**КАБИНЕТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ**

Читайте
захватывающие остросюжетные романы
ИРИНЫ ГРАДОВОЙ:

СЕРИАЛ «СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ ДОКТОР МОНОМАХ»

Предложение, от которого не отказываются

Не делай добра

Смерть навывнос

Экзотический симптом

Клиническая ложь

Горькое лекарство

Побочные эффекты

СЕРИАЛ «СЫЩИЦА В БЕЛОМ ХАЛАТЕ»

Окончательный диагноз

Врач от бога

Пациент скорее жив

Последний секрет Парацельса

Чужое сердце

Забывтая клятва Гиппократ

Шоковая терапия

Клиника в океане

Вакцина смерти

Источник вечной жизни

Инородное тело

Вскрытие покажет

Второе рождение

Врачебная ошибка

Рецепт от Фрейда

Мальтийский пациент

Врачебные связи

Диагностика убийства

Сколько стоит твоя смерть

Инстинкт хищницы

СЕРИАЛ «БАЛЕТНЫЙ ДЕТЕКТИВ»

Танец над пропастью

Ария для призрака

Венчальное кольцо Нибелунгов

Последняя надежда обреченных

Актриса на роль подозреваемой

Соло на раскаленной сцене

СЕРИАЛ «АДВОКАТ НА ДОВЕРИИ»

Ложь под звездным соусом

Жена государственной важности

СЕРИАЛ «СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ ЭМПАТ»

Проклятие ДНК

Ирина Градова

Ария
ДЛЯ ПРИЗРАКА

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г75

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *Д. Сазонова*

Градова, Ирина.
Г75 Ария для призрака : роман / Ирина Градова. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с. — (Кабинетный детектив).

ISBN 978-5-04-181041-2

Частного детектива Риту Синявскую нанимает богатый питерский бизнесмен Пушнин, чтобы она разыскала его ребенка — двадцать лет назад он родился у девушки, с которой у него был курортный роман. Про ребенка Пушнин ничего не знает, даже не в курсе, девочка это или мальчик. Зато помнит имя матери — Анастасия. Разыскать сына или дочь Пушнина Рита должна как можно быстрее, потому что времени у ее клиента крайне мало...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Градова И., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023
ISBN 978-5-04-181041-2

ПРОЛОГ

1998 год, февраль

День для похорон выдался неудачный. Хотя, в самом деле, может ли такой день вообще оказаться более или менее удачным? Третье февраля. Словно предчувствуя скорый конец, зима попыталась снова вступить в свои права, споря с естественным порядком вещей. До этого три недели царила оттепель. Ночью подмораживало, а с утра лед, смешиваясь с грязью на улицах, образовывал густую серую жижу, которую прохожие месили, словно тесто, увязая сапогами по самые голенища. А прошлой ночью началась метель. Она занесла все неприглядное в городе, и он мгновенно превратился в белое снежное царство. Деревья стояли, словно увенчанные песчовыми шапками, и лишь по смутным очертаниям удавалось определить, что огромные сугробы возле домов — на самом деле автомобили, занесенные снегом.

К утру метель не улеглась. Дул пронизывающий западный ветер, и хотя термометр показывал всего пять градусов мороза, из-за ветра казалось гораздо холоднее. На кладбище не было ни души, только у одной могильной плиты стояли четыре человека, один из которых был работником кладбища. Трое других — две женщины и закутанный, как маленький космонавт, ребенок — пришли проводить в последний путь ту, чью фотографию на эмали младшая из двух женщин вот уже несколько минут пыталась приладить к плите, на которой крупными золотыми буквами ранее было выбито мужское имя и годы жизни — 1928—1982.

— Не выходит, — жалобно произнесла женщина, безуспешно пытавшаяся приклеить фотографию. Она положила ее на бордюр и стала отогревать покрасневшие от холода руки своим дыханием.

— И не выйдет, — со знанием дела отреагировал работник кладбища, мужик лет сорока, абсолютно трезвый, что уже само по себе удивительно. Он копал неглубокую ямку, в которую, судя по всему, предполагалось опустить деревянную урну с прахом, стоявшую у оградки.

— Надо фотку на цемент посадить, — продолжал он. — Тогда, может, несколько лет продержится. Да и цемент в нашем сыром климате нужно постоянно менять, а вы на «Момент» приклеиваете, это ж смех один, по морозу-то!

Женщина постарше, к ногам которой жался замерзший ребенок, стояла молча и безучастно.

— Ты бы поплакала, — мягко кладя сухонькую руку ей на плечо, произнесла младшая. — В крематории ни слезинки не проронила, и сейчас вот...

— А чего зря плакать? — равнодушно отозвалась та. — Не хотела бы я дожить до того времени, когда она вовсе человеческий облик потеряет: и так из дома все вынесла на продажу! Мне детские вещи, сама знаешь, у соседей прятать приходилось, чтобы ребенка голым не оставить... Нет у меня слез для нее!

Работник кладбища взял урну и аккуратно поместил ее в яму.

— Ну, что, засыпаем? — спросил он.

Старшая кивнула, младшая залилась слезами, словно плакала за двоих. Закидав яму мерзлой землей, мужик поднял фотографию на эмали с бордюра и пригляделся внимательно.

— Красивая девка была, — отметил он. — Глазищи-то какие!

Борясь с дующим в лицо ветром, маленькая процессия медленно двинулась к выходу. Метель продолжала бушевать, занося место, где только что захоронили урну, и через десять минут никто уже не смог бы определить, что в этот день кладбище посещали люди: следы их исчезли под белым пушистым покровом.

* * *

Он посмотрел на нож в своей руке, словно не веря в случившееся. Но факт оставался фактом: он только что вытащил окровавленное лезвие из спины человека, который на короткое время заменил ему отца. Зачем он вообще его вытащил? Это оказалось нелегко: тело почти очеловечено, и пришлось упереться ногами в тяжелые ножки стола, чтобы вырвать его из одеревеневших тканей. Нож выскользнул из рук и со звоном упал на деревянный пол. Постепенно стала возвращаться возможность здраво рассуждать: если его здесь обнаружат, он немедленно окажется в камере, а этого нельзя допустить — он и так слишком много времени провел в тюрьме и не собирался повторять опыт. Конечно, много ему не дадут, он ведь несовершеннолетний, но и вряд ли отпустят на все четыре стороны при таком раскладе! Он с ужасом представил, что его могут вернуть обратно, к матери, и от этой мысли принялся дрожать, как будто только что вылез из ледяной воды. Нет, его голыми руками не возьмешь, лучше он, как дикий зверь, станет жить в лесу, чем вернется туда, откуда с таким трудом сбежал!

Он бросился в спальню и стал лихорадочно собирать вещи. Ни одна из них ему не принадлежала — все подарены покойником. Затолкав в холщовый мешок одежду и все, что могло пригодиться в длительном походе, он уже собирался покинуть дом, но вдруг вспомнил о самом

главном: бабки! Он выскочил в сени и порылся в поленице, где старик хранил деньги — несколько купюр по сто рублей, десять — по тысяче. Небогатый улов, но и на том спасибо. Затем он вернулся в комнату, чтобы одеться и прихватить свой узел.

В дверях оглянулся в последний раз: тело, разумеется, оставалось в том же положении, а окровавленный нож по-прежнему валялся у ног покойника. На мгновение слезы подступили к горлу, но он не позволил себе заплакать: что сделано, то сделано, и пути назад нет. Захлопнув дверь, он вышел в метель, которая сбивала с ног, но и укрывала от любопытных глаз. Да, нынешняя непогода ему только на руку!

2014 год, декабрь

Татьяна отложила щетку, которой безуспешно пыталась пригладить непослушные пряди, торчащие в разные стороны: что бы она ни делала, какими бы средствами ни пользовалась, ее тонкие и жирные волосы выглядели одинаково — так, словно нуждались в мытье. А ведь она моет голову каждый день! Эти рекламные ролики, провозглашающие, что «волосы станут красивыми и блестящими, если вы будете использовать наш шампунь (бальзам, мусс для укладки и т.д.), всего за несколько минут», безбожно врут — ничего подобного не происходит. Правду говорят — если бог не дал чего-то, любые старания бесполезны: хорошие волосы или кожу можно сделать идеальными, а плохие... Правда, с чем у нее нет проблем, так это с кожей. Она гладкая, светлая, без прыщиков или неровностей, приятная на ощупь. Кожа — единственное, что она получила от матери, остальное, вероятно, от отца. Самое обидное, что Татьяна его даже не знает. Она никогда не видела его, понятия не имела, где он живет и работает и есть ли у него другая семья.

Татьяна посмотрела на фотографию на стене, с которой улыбались красивая светловолосая женщина и маленькая розовощекая девочка. На этом фото она похожа на мать, почему же с возрастом так изменилась? Таня тоже могла бы рассчитывать на прекрасные белокурые локоны, на такие же бездонные, синие глаза и ямочку на подбородке, которая выглядела так сексуально! Бабушка говорила, не родись красивой, а родись счастливой, но

что толку? Если бы Таня чувствовала себя счастливой, возможно, она не обижалась бы на матушку-природу, которая здорово на ней «отдохнула». Счастливой Таня себя бы не назвала. Ей недавно исполнилось двадцать два года, она занимается нелюбимым делом и вынуждена ежедневно выслушивать упреки от тех, кто многого добился в жизни. От этого она чувствовала себя еще более несчастной и униженной.

Однако, пожалуй, несколько лет своей жизни Таня все же могла назвать по-настоящему счастливыми. В то время они с матерью и бабушкой жили за городом. Мама водила ее в детский сад в соседний поселок, и по дороге они смеялись и шутили. Вечером ее забирали бабушка или мама. На обратном пути они заходили в магазин в центре поселка, и Танюше обязательно покупали что-нибудь вкусное — ириски, шоколадные батончики, большую конфету «Мишка на Севере» или «Красная Шапочка».

Потом они переехали в город.

В школе (ее отдали в музыкалку, как и мать в свое время) Татьяна впервые почувствовала себя несчастной. Нельзя сказать, чтобы ее недолюбливали одноклассники или учителя — они ее просто не замечали, и это было самое обидное. Возможно, если бы Таня обладала легким и веселым характером, ей и удалось бы найти общий язык с ребятами, но она была скрытной, погруженной в свой собственный мир. Учителя жалели ее, зная о том, что ребенок рано потерял мать, но время шло, а Татьяна становилась все более замкнутой.

Тетя Лида и бабушка много раз предлагали Тане пригласить домой подруг на день рождения или любой другой праздник, да, в конце концов, и просто без повода, но она отказывалась: у нее не было подруг. Одноклассницы с удовольствием списывали у Татьяны домашние задания, особенно по русскому языку, литературе и сольфед-

жио, в котором Татьяна была особенно сильна, но они никогда не приглашали ее в гости и не предлагали сходить вместе в кино или на прогулку.

Правда, одна девочка хорошо отнеслась к Татьяне. Ее звали Люба. Она перешла в их школу в шестом классе и легко влилась в детский коллектив. Отец Любы был военным, и семья частенько переезжала. Веселая и жизнерадостная Люба постоянно что-то придумывала. То ставила спектакли, вовлекая в них одноклассников, а потом показывала учителям, родителям и даже соседям по дому. То вдруг приглашала друзей домой и угощала мороженым и пепси-колой. Ее мама пекла замечательные пироги с капустой или с яблоками, и дети могли вдоволь наесться вкусностей.

Люба оказалась первой из одноклассников, кто обратил на Татьяну внимание. Она удивилась, почему эта странная девочка всегда одна, почему она не играет на переменных с ребятами и не посещает дни рождения и другие мероприятия, на которые всегда приглашали Любу, хоть она и новенькая в классе. Как-то раз девочка подошла к Татьяне и заговорила с ней. Скоро Таня поняла, что не может обходиться без новой подруги. Благодаря Любе к ней стали лучше относиться. Если Любашу куда-то звали, она просила разрешения привести с собой Таню. Рядом с Любой Таня чувствовала себя значительной. Любе удавалось все, за что бы она ни бралась, и Татьяна боготворила ее. Девочки часто рассуждали о том, как вырастут, станут знаменитыми и начнут гастролировать по миру с концертами, и самые известные музыканты будут считать за честь выступать с ними на одной сцене.

Люба проучилась в Танином классе всего год, а затем ее отца перевели в другой город, и Таня опять осталась одна. Без Любы она перестала быть интересной своим одноклассникам и снова стала печальной маленькой те-

нюю, бродящей по школе в одиночестве. Но это, как выяснилось, еще не самое страшное.

В девятом классе Таня открыла для себя две удивительные вещи. Первая: оказывается, ей нравятся мальчики. Вторая: мальчиков она, Таня, абсолютно не привлекает. Особенно ей нравился Рома Вайнштейн, симпатичный и бесспорно талантливый. Рома учился в параллельном классе, и все прочили ему карьеру блестящего скрипача. Он великолепно играл на скрипке, а также на фортепиано и гитаре, что делало его незаменимым в любой компании. Таня и мечтать боялась о том, что когда-нибудь этот принц обратит на нее свое царственное внимание, и лишь тихо вздыхала, когда Рома проходил мимо, скользя по ней безразличным взглядом, словно Таня являлась предметом мебели. Однако в последнем классе случилось чудо: Рома пригласил ее на дискотеку по случаю празднования Нового года. Таня не знала, куда деваться от восторга, но одновременно и волновалась, ведь надо соответствующе выглядеть рядом с популярным парнем! Тетя Лида сшила замечательное платье, и Татьяна, сияя от счастья, отправилась на праздник. Всю дорогу до школы она боялась присесть или прислониться в транспорте к чему-нибудь, чтобы не помять наряд. Рома встретил ее в холле и похвалил платье! А когда начались танцы, к нему подошла Вероника Суворова, девочка, с которой Рома дружил раньше, но поссорился перед самой дискотекой. Они помирились, и весь вечер Таня просидела на стуле в углу, глядя на танцующие пары. Придя домой, она с ожесточением сорвала с себя платье, которое еще несколько часов назад так боялась помять, скомкала и засунула в дальний угол шкафа, чтобы оно не напоминало ей об унижении.

В учебе Таня подавала определенные надежды. Она хорошо играла на фортепиано, и преподавательница Гелена

Анисимовна Шестакова прочила ей отличную музыкальную карьеру.

— Ты обязательно должна поступать в консерваторию, — говорила она. — У тебя есть способности, а также упорство и целеустремленность, которые необходимы настоящему музыканту!

Татьяна прислушалась к совету. Ей хотелось доказать всему миру, что она на что-то способна. Таня решила прославиться, чтобы все, кто не замечал ее, стали кусать локти оттого, что не разглядели в неприметной, блеклой девочке гения! Она без труда поступила в консерваторию и остервенело принялась за учебу. Правда, преподаватели считали, что в манере ее исполнения отсутствовало главное, которое отличает пианиста-виртуоза от просто пианиста. Душа. Они признавали, что Танина техника выше всяких похвал, но, оказывается, каждый исполнитель должен вкладывать в игру что-то свое, заставляющее одно и то же произведение звучать по-разному под пальцами разных пианистов. Вот этого-то Таня и не смогла постичь, как ни старалась. Она с разочарованием поняла, что высот ей не добиться и что она навсегда останется посредственностью с мозолями на пальцах от постоянных упражнений и кучей комплексов из-за несбывшихся надежд!

Придя к выводу, что слава ей не грозит, Татьяна решила бросить музыку. Тетя Лида пришла в ужас, но девушка ясно дала понять, что не передумает. Она долго маялась без дела, не зная, чем хочет заняться, а потом случайно наткнулась на объявление в газете о курсах визажистов-гримеров. Таня решила рискнуть. Она надеялась найти работу в каком-нибудь театре и все-таки быть поближе к искусству. Девушка закончила курсы и стала очень хорошим специалистом. Она обладала чутьем и вкусом

и умела подчеркнуть достоинства внешности, замаскировав недостатки.

Татьяне не удалось устроиться в театр: куда бы она ни приходила, везде оказывалось, что вакансий нет. В результате знакомая тети Лиды устроила ее в салон красоты, где Таня получала неплохую зарплату, однако не испытывала никакого удовольствия от того, что превращала просто богатых дам и девиц в богатых и красивых. Сидя перед зеркалом, она с тоской смотрела на свое отражение и задавала себе сакраментальный вопрос: почему одним — все, а другим — ничего?

* * *

Шел снег. Новый год не за горами. Крупные хлопья падали на асфальт и тут же таяли, но тем не менее создавалось ощущение приближающегося праздника. Люди толпами сновали туда-сюда, забегали в ярко освещенные и красиво украшенные магазины и выходили, нагруженные коробками и пакетами, рулонами оберточной бумаги и разноцветными связками «дождика» различной степени пушистости. Казалось бы, СМИ только и говорят о мировом кризисе, доллар и евро растут, рубль падает, но народ ни в какую не желает мириться с таким положением вещей. Кризис — ха! Это там, у них, может, и кризис, а у нас — Новый год на носу!

Макс любил предновогоднюю суету и радовался тому, что сегодня Самвел отпустил его домой раньше обычного: на рынке отключился свет, и торговцам ничего не оставалось, кроме как собирать товар и заканчивать рабочий день. Поэтому, несмотря на то, что было всего пять часов вечера, Макс получил возможность прогуляться по улицам.

Макс жил с бабушкой, бывшей учительницей русского языка и литературы, в коммуналке в районе станции ме-

тро «Сенная площадь». Им принадлежала одна большая комната. Всего же в квартире было шесть комнат: говорят, до войны в ней жил какой-то профессор, и Макс часто пытался представить себе, каково это — иметь целых шесть комнат и никаких соседей? Кроме Макса с бабушкой в квартире обитали три семьи — дядя Паша, тихий алкоголик с ужасно ворчливой женой тетей Марусей, Лазаревы в количестве пяти человек и старушка, которую все звали просто «баба Лена». Максу порой казалось, что у него две бабушки, потому что с детства он равное количество времени проводил и с бабушкой Машей, и с бабушкой Леной, которая на самом деле не приходилась ему родственницей. Старушка была одинока. Она рассказывала, что однажды «сходила замуж», но ненадолго и неудачно. Детей баба Лена в браке не родила, поэтому с удовольствием возилась с маленьким Максимкой, когда его родная бабушка оказывалась занята. Сама баба Лена до пенсии работала на консервном заводе, закручивая банки с тушенкой. Макс помнил ее руки, все в порезах, и перебинтованные пальцы — то один, то другой. Достигнув пенсионного возраста, баба Лена наконец получила возможность заниматься тем, что у нее получалось по настоящему хорошо, — шитьем. Шила она с выдумкой, умудряясь из дешевых материалов сварганить вещи, в которых не стыдно показаться в самых престижных местах (хотя, надо признать, ее клиенты в таких местах не бывали и, скорее всего, даже не знали об их существовании!). Максимка и баба Маша тоже щеголяли в одежде «от бабы Лены».

В школе Макс не особенно блистал, чем вызывал огорчение бабушки, когда она, в очередной раз открывая дневник, натыкалась на двойки и тройки даже по тем предметам, которые большого ума не требуют. Но Макс все же имел две стабильные пятерки — по физкульту-

ре и по музыке. Физкультуру он любил, с удовольствием выполнял упражнения, самозабвенно играл летом в футбол, зимой в хоккей, но баба Маша не приветствовала его увлечение спортом. Когда учитель физкультуры сказал, что мальчишку хорошо бы отдать в спортивную школу, она воспротивилась этому с удивительной для ее возраста энергией.

— Мальчику учиться надо, а не мяч гонять! — сказала она, и Макс понял, что великим футболистом он, скорее всего, не станет.

Что касается музыки, то бабушке нравилось, что учительница хвалит ее внука. Именно по этой причине в третьем классе бабе Маше пришла в голову мысль отправить Максима в музыкальную школу. Она находилась рядом с домом, даже ближе, чем общеобразовательная, и для того, чтобы туда попасть, не требовалось переходить дорогу. Не то чтобы внук пришел в восторг от бабушкиной идеи, но и сопротивляться не стал: в конце концов, бабе Маше лучше знать, что для него хорошо. Он во всем привык полагаться на бабушку, хоть порой и испытывал на себе ее крутой нрав. Ничего, ведь рядом всегда была баба Лена, мягкая, пышная, готовая утешить, посочувствовать и вкусно накормить. Баба Маша иногда интеллигентно ругалась с бабой Леной, утверждая, что та портит ей внука, но баба Лена, кротко выслушав нотацию, все равно поступала по-своему. В глубине души баба Маша не держала зла на соседку: в конце концов, баба Лена была единственной, помимо нее самой, кто искренне и самозабвенно любил мальчишку.

В музыкальной школе учеба Макса пошла гораздо лучше. Не прилагая особых усилий, он делал успехи. Единственным предметом, в котором он не преуспевал, стало сольфеджио. Зато, как выяснилось, Макс обладал абсолютным слухом и сильным голосом (хотя послед-

нее, по словам учителей, не слишком обнадеживало). Бабушке объяснили, что не стоит полагаться на то, что у мальчика хороший голос, пока он не начал ломаться. Необходимы специальные упражнения и осторожность, чтобы поддержать то, что дала природа. Робертино Лоретти, к примеру, в детстве пел, как ангел. Он продолжал петь и после того, как голос сломался, однако так и не сумел стать выдающимся певцом. Ни баба Маша, ни тем более Макс вовсе не мечтали о музыкальной карьере: бабушка выбрала музыкальную школу, просто чтобы внук не сбился с пути и не болтался по улицам в компании каких-нибудь хулиганов. С другой стороны, музыка облагораживает, думала баба Маша, а значит, несмотря на недостаток денег в их маленьком семействе, Максим получит разностороннее образование — чего еще желать?

Макс обожал животных, особенно собак. Он постоянно возился с бродячими псами. Так как для содержания их в квартире не было условий, все сводилось к тому, что Макс притаскивал четвероногого приятеля домой, мыл его в ванне дешевым детским шампунем, приводил в божеский вид и пристраивал своим друзьям, знакомым и знакомым знакомых. Голубой мечтой Макса было когда-нибудь завести собственную собаку или даже несколько, и чтобы не возникало вопроса, где их держать, но пока такая перспектива представлялась туманной.

В целом жизнь Макса текла спокойно, без сильных потрясений и огорчений, исключая обычные мальчишеские проблемы. Единственным, что по-настоящему беспокоило обеих бабушек, была армия. Они понимали, что у них нет ни денег, ни связей, чтобы «отмазать» Макса от службы, а в вуз он не поступит по причине тяжелых взаимоотношений с науками: он с трудом написал ЕГЭ по обязательным предметам, а с одними тройками нечего и думать

о получении высшего образования! Оставалась возможность поступления в консерваторию, но Макс с неожиданным упорством воспротивился: он хотел служить, и бабушки капитулировали.

Солдатская жизнь оказалась вовсе не так ужасна, как им представлялось. Макс легко нашел общий язык с ребятами еще в учебке и понял, что ему не составит труда приспособиться к армейскому быту. При распределении ему повезло: он попал в погранвойска и сразу из учебной части отправился в поселок Вяртсиля, что на финской границе. Максим был очарован суровой красотой карельских лесов, соснами, озерами и скалами, словно сошедшими с полотен Рериха. Его не угнетала изолированность от гражданской жизни. Макс любил бродить по молчаливому лесу, лазать по скалам и часами глядеть на тихие воды озера Янисъярви. Рядом находился пограничный переход Вяртсиля-Нийрала, и по другую сторону он часто видел финских пограничников.

Начальник заставы, полковник Утехин, слыл страстным любителем музыки. Каждый раз, inspectируя новобранцев, он с пристрастием выпытывал, кто из них умеет играть на музыкальных инструментах или петь. Ансамбль его заставы считался лучшим в округе, и ребята даже принимали участие во всероссийских конкурсах и сборных армейских концертах. Сам Утехин виртуозно играл на аккордеоне и ценил музыкальные таланты подчиненных. В личном деле Макса значилось окончание музыкальной школы, что не укрылось от орлиного взора полковника. Так парень оказался в «банде Утехина» (слово «банда» не несло в себе отрицательной нагрузки и происходило от английского «band», означающего «музыкальная группа»).

У Макса имелись и другие основания для радости. На заставе служили не только люди, но и животные — немец-

кие овчарки, лошади и даже старый ручной лось Кузьма. Несколько лет назад он, видать, с голодухи, вышел на дорогу, где его и сбил на машине вышеупомянутый полковник Утехин. Несмотря на то, что в сезон пограничники не считали зазорным охотиться на тех же самых лосей, Утехин решил не добивать незадачливого пешехода и привез его на заставу. Из поселка доставили ветеринара, и тот выходил лося, получившего имя Кузьма. Несмотря на то, что Кузьма попал к людям в зрелом возрасте, а лоси вообще звери недоверчивые и порой даже агрессивные, этот оказался на удивление миролюбивым и любопытным созданием. Как привязанный, Кузьма ходил за Утехиным, словно чувствуя, что обязан ему жизнью. Полковник делал вид, что ему эта лосиная привязанность безразлична, но тайком таскал Кузьме, которого поселили в конюшне вместе с лошадьми, разные лакомства — яблоки или хлеб с солью, который лось особенно уважал. Со временем Кузьма решил, что тоже является лошадью, и, несмотря на полную свободу выбора, ни разу не пытался убежать в лес, мирно пасясь на лугу со своими домашними собратьями.

Служебные собаки — это отдельный разговор. Местные овчарки, умные, ухоженные и послушные, привели его в восторг. Так, в компании сослуживцев, большая часть которых стала его добрыми приятелями, животных и «банды Утехина» жизнь Макса текла вполне себе приятно. Впервые услышав, как новобранец поет русские народные песни, полковник серьезно заявил: «Парень, да тебе петь надо!» И Макс пел — весь год, а потом и второй, когда решил, вопреки бабушкиным опасениям, остаться на сверхсрочную.

Служба в армии оставила приятные воспоминания и полезный опыт: он научился обращаться с женским полом, которого хватало в соседних поселках и райцентре,

куда солдат отпускали в увольнительную, водить машину и ездить верхом. Дослужившись до сержанта и став победителем нескольких музыкальных смотров-конкурсов в составе «банды Утехина», Макс демобилизовался и вернулся в родной Питер. Оказалось, он настолько отвык от гражданской жизни, что на первых порах не понимал, как здесь все устроено, а ведь отсутствовал-то всего каких-то пару лет! Бабе Маше к тому времени исполнилось семьдесят пять, и учительствовать становилось все тяжелее. Тем не менее она продолжала надеяться, что внук поступит в консерваторию, и для этого готова была оставаться в школе столько, сколько потребуется, дабы кормить великовозрастного дитяню во время учебы. Однако Макс понимал, что пришло время взять на себя заботу об их маленькой семье. Он прикинул, чем бы мог заниматься, кроме музыки. На самом деле, вариантов не так уж много. Он мог стать охранником в каком-нибудь магазине или частной фирме, но к этому у Макса душа не лежала. Другие его умения, полученные во время службы, на гражданке негодились. Правда, он отлично водил машину, и даже полковник Утехин, когда приходилось выезжать с заставы, требовал Макса, так как тот не только отличался осторожностью в езде, но и здорово ориентировался на местности. Но существовала одна проблема: везде, где нужны водители, требовались и личные автомобили, а у Макса не было даже велосипеда.

Как раз в это время алкоголик дядя Паша развелся с женой. Они разменяли свои две комнаты и съехали, а на их место вселился некий Самвел Григорян с семьей. Поначалу жильцы с подозрением отнеслись к наличию «лица кавказской национальности» в своей квартире, но вскоре расслабились. Самвел оказался мужиком неплохим, а его жена и две дочки вели себя тихо и вежливо, поэтому к ним быстро привыкли и перестали сторониться.